

Великое переселение народов как универсальная модель взаимодействия цивилизации и варварства

В современной варварологии есть разделы, посвященные исследованию общих проблем отношений между варварским миром и цивилизацией. В их контексте приобретает значение попытка восстановления отдельных черт взаимодействия древних цивилизаций Запада и Востока с соседней варварской периферией.¹ Близость некоторых элементов такого рода контактов выступает весьма рельефно и представляется, на наш взгляд, чем-то большим, нежели поверхностное сходство. В настоящее время центр и варварская окраина рассматриваются как тесно связанные между собой звенья единой панорамы цивилизационной системы, в которой взаимодействуют народы, находящиеся на разных уровнях исторического развития.² Взаимодействие варварского мира и цивилизации включает военные, политические, дипломатические, торговые, религиозные и иные контакты и влияния, отражающие сложный, случайный, спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые породили эти контакты и влияния. Выявление отдельных связей, на наш взгляд, не должно заслонять тот факт, что варварский мир и цивилизация представляли собой одно целое, единую сложную систему, все параметры которой, функционируя по собственным законам, в конечном счете были взаимообусловлены. Особенности взаимодействия определяются и спецификой традиций государственности - римской и китайской - а также типологическими отличиями оседлого и кочевнического варварских миров. Выявление того, что объединяет несопоставимые, на первый взгляд, части этой системы, способствовало бы лучшему пониманию природы такого явления, как Великое переселение народов. Существенно и то, что характерные особенности двух

«моделей» контактных зон - европейской и азиатской - потенциально свидетельствуют о значительной степени их динамичности. Учитывая слабую разработанность проблемы и постановочный характер данной статьи, представляется целесообразным в ходе сравнительного анализа обозначить в первую очередь общие черты двух моделей контактов. Применительно к обоим регионам эти контакты осуществлялись в рамках масштабного процесса переселения племен. Традиционно Великое переселение народов рассматривается как уникальное явление европейской истории, как символическое обозначение перехода от Античности к Средневековью.³ Однако, уходя от европоцентризма, следует заметить, что европейская «модель» (Барбарикум - Римская империя) Великого переселения трансформируется, периодически пересекаясь с азиатской «моделью» (кочевой племенной мир - Ханьская империя). Системное изучение древних цивилизаций и взаимодействующих с ними варварских миров, состоящих из нескольких этнических пространств, позволяет трактовать Великое переселение народов в широком смысле, как особый период мировой истории, когда на значительном историческом пространстве (уже не Древность, но еще не Средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II-VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия явилось зарождение новой цивилизации - средневековой.⁴

Начать, пожалуй, следует с того, что отношение римской и китайской цивилизаций к варварскому миру изначально отчетливо выстраивалось по принципу противопоставления «мы - они». Ключевую роль выполняло и само понятие «варвары». Так, в античном мире семантика его раскрывалась в рамках антитезы «греки - варвары», «римляне - варвары». Три круга ассоциаций делали восприятие этого образа автоматическим. Первый - этнический. «Варвар» - это иностранец, чужеземец, человек, проживающий вне границ данного государства. Второй круг - этический. Он заключался в формуле: «варвар - это не римлянин». У

греков тот считался варваром, кто не обладал пайдейей - греческим воспитанием и образованностью. И, наконец, третий круг - филологический. Незнание греческого и латинского языков - верный признак варварства. В самосознании китайцев на протяжении нескольких столетий формировалось противопоставление «хуася» (древние китайцы) «варварам». «Хуася» и «варвары» в представлениях древних китайцев составляли две неравноценные половины человечества.⁵

Обращает на себя внимание и то, что особенности контактов и основных тенденций развития взаимоотношений варваров с цивилизацией выходят на более широкую проблему - специфику этнического пространства, в котором формируются эти контакты. Системный процесс взаимодействия варварской периферии и цивилизации на рубеже Античности и Средневековья обозначил уникальное этническое пространство. В данном случае под *этническим пространством* подразумевается вся совокупность племен и народов, связанных с тем или иным историческим явлением, а также с его образом в истории. Созданное Великим переселением этническое пространство отличалось многослойностью. Здесь представлены племена-аборигены и пришлые, инертные и динамичные, племена и народы, населявшие провинции Римской империи, «внутренние», «пограничные» и «вассальные» округа Китайской империи и их северной периферии.

Каждый из племенных миров, составлявших то или иное этническое пространство, имел свое достаточно выраженное своеобразие. Тем общим, что объединяло племена между собой, могла считаться причастность к особому, условно называемому «варварскому» пути развития. В канун Переселения варвары, обитавшие на землях от Рейна и Дуная до предгорий Алтая и степей Восточной Азии, еще не достигли того исторического рубежа, с которого начинается эпоха цивилизации. В ходе великих миграций этническое пространство варварской периферии было частично «поглощено» двумя мировыми державами - Римской и Китайской, - и населявшие его племена участвовали в становлении средневековых цивилизаций. Остальные, остановившись на пороге стадии цивилизации, пережили

период затяжной стагнации. Некоторые из них оказались в историческом тупике, выбраться из которого им так и не удалось.⁶

Мощный напор северной периферии - Барбарикума - испытали, выдержав не одну волну переселений, жители Римской империи. Специфическая особенность этого этнического пространства заключалась в готовности населявших Аппенинский полуостров многочисленных народов к военным и торговым контактам с Барбарикумом. Под влиянием варварских окраин римская государственность развивалась весьма стремительно и динамично. Следует отметить и возросшую «внутреннюю», в границах Римской державы, мобильность населения, связанную с захватом Римом огромной территории от берегов Рейна, от Альпийских гор до океанского побережья, включая области Пиренейского полуострова. Организация этих территорий в римские провинции и постепенная их романизация приводили к разрушению этнической замкнутости Галлии и Испании. Здесь этническое пространство размывалось социализирующей направленностью римской цивилизации.⁷

Осколки исчезнувшего *кельтского мира* в целом оказались в стороне от активного участия в миграционных процессах II - VII вв. Известно, что кельты упорно сопротивлялись римлянам. Однако им не удалось устоять перед германцами. После ряда военных неудач, потеряв часть завоеванных земель, кельтское население концентрируется в Средней Европе - от Британии до Карпат. Не исключено, что некоторые кельтские племена оказались вовлеченными в походы, вторжения и грабительские экспедиции племен Барбарикума, особенно во II - IV вв. Длительные набеги скоттов на западные берега Британии, постепенное и методическое освоение ими большей части Каледонии - отнюдь не типичный пример миграционной активности кельтов в эпоху Переселения. (Гораздо показательнее другой вариант: постоянное мирное ...) Можно говорить ? о постоянном мирном сосуществовании кельтского и соседнего с ним фракийского мира.⁸

Можно отметить также и то, что *мир фракийских, иллирийских и греческих племен* составлял во II-VII вв. значительную часть этнического пространства, члены которого оказались весьма инертными и не участвовали в миграционных процессах. Однако неоднократно районы обитания этих племен *до* и особенно *в период* Великого переселения являлись эпицентром многих миграций. Фракийцы, иллирийцы и греки долгое время находились между кельтским миром на западе, германским - на севере и скифо-сарматским - на востоке. Маркоманнские войны II в., готские вторжения на Балканы III в., борьба племен за Дакию после 270 г., Сарматские войны середины IV в. на Среднем Дунае сопровождались расселением мигрирующих племен в иллирийском и фракийском мире. Через населенные иллирийцами и кельтами провинции Норик и Паннонию в течение четырех столетий в Италию двигались бурные полиэтничные миграционные потоки.⁹

Еще раз обратим внимание и на то, что агрессивную, наступательную позицию варварской периферии разделяли не все населявшие ее племена. Инертным, безразличным к миграциям оставался *мир балтских племен*. Во II - IV вв. спокойная, размеренная жизнь этих племен, их замкнутый, непритязательный уклад были нарушены движениями готов к югу и миграционной волной сарматских племен в район Среднего Подунавья. Внутренние стимулы к переселению у балтов отсутствовали. На незначительные передвижения их подталкивали лишь миграции соседних народов. Будучи инертными в противостоянии «варварский мир - римская цивилизация», балты сыграли значительную роль в стабилизации особого жизненного цикла отдельных регионов европейского Барбарикума. Косвенным образом они способствовали окончательному сплочению славян - лидеров миграционных процессов VI - VII вв.¹⁰

Подобно балтам, *финно-угорские племена* не проявляли особой миграционной активности вплоть до VI в. Занимая значительные территории от нынешних районов Западной Белоруссии до предгорий Урала, они не были однородными. Разные группы племен этого этнического пространства

пересекались и взаимодействовали с лидерами миграционных процессов II - V вв. - германцами и гуннами. Некоторые племена входили в состав «государства Эрманариха», другие - сыграли значительную роль в процессе этногенеза западных гуннов. В то время, когда в Центральной Европе бушевали Маркоманнские войны (166-180 гг.), знаменовавшие начало первого этапа Переселения, в степях Южного Урала в ираноязычном и угро-финском этническом пространстве уже начал формироваться лидер следующего этапа Переселения - гунны.¹¹

Лидером варварского мира в контактах с римской и византийской цивилизациями выступал мир германских, тюркских, славянских и алано-сарматских племен. *Германское этническое пространство* рубежа Античности и Средневековья являлось одним из наиболее значительных. Уже в начале великих миграций германцы занимали обширные территории, большая часть которых отличалась экстремальными географическими и климатическими условиями: огромные леса, обилие рек, озёр, непригодность многих территорий для земледелия и животноводства. Племена постоянно испытывали на себе военный и цивилизационный натиск римского мира, особенно усилившийся на рубеже тысячелетий. Как следствие, сформировался довольно высокий уровень мобильности древних германцев. Он отражал прежде всего адаптационные возможности и свойства данного этнического пространства. Помимо этого, мобильность германцев символизировала их особую социальную адаптацию. Не только витальные потребности стимулировали движение племен. Грабежи, покорение соседей, разбой в близлежащих римских провинциях, взятие городов, гибель императоров и видных римских военачальников - это также и акты самоутверждения, демонстрации мощи племен, их принадлежности к отмеченным традицией победителям и лидерам Барбарикума. Как известно, «экспозиция» истории германского этнического пространства рубежа Античности и Средневековья весьма представительна. Здесь и обилие названий племен, различные формы проявления их активности, значительный географический размах передвижений, пульсирующий характер расселения, многовариантность

договорных отношений с Римом и Византией. За относительно короткий исторический период миграции германцев охватили основные регионы ойкумены: Европу, Азию, Северную Африку. Они способствовали возникновению основных «линий разломов», конфликтных зон в европейской «модели» Переселения. Отметим также, что миграционный опыт германцев различен. Он представлен практически всеми известными типами миграций: переселение племен, движения отдельных дружин, «профессиональная» миграция (телохранители при императорских дворах), «деловая» миграция (германские ремесленники и купцы). Германское этническое пространство за многие века контактов с римской цивилизацией создало своеобразный «миграционный стандарт», который использовался и другими племенами. Он, к примеру, включал «сценарий» поведения варваров в стереотипных ситуациях (походы, вторжения, переговоры) и стандартный набор их претензий к империи. Различная степень зависимости от римского мира порождала в германском этническом пространстве и различные импульсы консолидации. Их высшим проявлением стали «большие» племена. В ходе Переселения менялась не только горизонтальная динамика варварского мира, но и в целом его «картина» (вовлечение в переселение все новых и новых племен). Существенные перемены происходили и внутри него. Стремительно менялась этно-социальная вертикаль, внутренняя эволюция двигавшихся племен, их потестарное развитие. Начинал переселение один народ, заканчивал - совсем другой. Многим германским племенам довелось заплатить высокую цену за познание принимающего их римского мира.¹²

Волны миграционных потоков привели в Европу ряд алано-сарматских и тюркских племен. Ираноязычные алано-сарматские племена сыграли значительную роль в становлении народов Восточной Европы, являлись одним из компонентов этногенетических процессов Юго-Восточной Европы и лишь косвенным образом воздействовали на аналогичные процессы в западноевропейском регионе.¹³ Совершенно очевидно, что в миграционных процессах водные бассейны играли столь же большую роль, как и в жизни

крупнейших цивилизаций. Во II - VII вв. направление передвижения значительного большинства племен, образующих *алано-сарматское этническое пространство*, определялось не только наличием в данном районе очага цивилизации, но и наличием водных ресурсов. Зачастую эти два фактора совпадали. Танаис, безусловно, играл такую же роль в истории Восточной Европы, как Рейн для Западной или Истр для Юго-Восточной. Вокруг Меотиды концентрировался и консолидировался ираноязычный племенной мир, так же как, например, греческий - вокруг Эгейского моря или итало-лигурийский в Западном Средиземноморье.

Во II - VII вв. по обширным пространствам Великого пояса степей, тянувшегося от Паннонии до Забайкалья, были сосредоточены различные кочевые племена. Они создали особое этническое пространство. Территории, над которыми устанавливался контроль того или иного кочевого сообщества и с которыми эти кочевники себя идентифицировали, представляли собой своеобразный ареал кочевания племен. В отличие от других варварских миров граница этого ареала не определяла границу *кочевого этнического пространства*. Границей был круг людей, составляющий данное кочевое сообщество, принадлежность к которому определялась веками отшлифованными нормами родства. Кочевой варварский мир - рассеянная пространственная структура. Евразийский степной коридор - лишь одна из важнейших межконтинентальных артерий, по которой в Европу шли миграции различных гуннских племен, а впоследствии аваров и болгар. На рубеже Античности и Средневековья существовало представление о том, что волны враждебных римской цивилизации кочевников постоянно выплескивали Меотида и Танаис. Подобные идеи вторжения «варваров» с востока господствовали в историографии вплоть до эпохи Возрождения. Кочевой племенной мир тюркского этнического пространства в значительной степени овладел различными средствами адаптации к встречающимся на его пути оседлоземледельческим племенам. Это и периодические набеги, и регулярные грабежи, а также навязанный «вассалитет» и данничество. Среди тюркских племен уже сложилось представление о гораздо большей престижности военных грабительских походов и завоеваний, в сравнении

с мирным трудом, что накладывало отпечаток на жизнь этих варваров-кочевников, служило основой для формирования у них различных культов войны, воина-всадника, героизированных предков. Для реализации экспансии создавались «племенные» конфедерации, вождества. Экспансия, направленная против крупной цивилизации (в контексте Переселения) - Византийской, создавала новые средства адаптации - кочевую «империю». Сокрушительный эффект степных кочевых «империй» Европа ощущала на себе в течение нескольких столетий.¹⁴ Во II-VII вв. преимущество варваров-кочевников во многом определялось наличием у них верховых животных, в то время имевших особенно важное военно-стратегическое значение. Нарастающая интенсивность «кочевого марша» тюркских миграций на запад, условно определяемых как «миграция миграций», в значительной степени «увязла» на Нижнем и Среднем Дунае благодаря начавшимся славянским переселениям.

Славянское этническое пространство формировалось под воздействием разнообразных факторов. Этот обширный племенной мир также не являлся изолированной частью Барбарикума. Славяне этого времени отличались особой интенсивностью межэтнических контактов. Письменная традиция фиксирует как факты столкновения племен, так и мирного их соседства, в том числе с балтами, сарматами, германцами, фракийцами, иллирийцами, с некоторыми тюркскими племенами. Славянские племена менялись, смешиваясь с другими народами, воспринимая их культуру, но не утрачивая при этом свою этническую принадлежность. Пройдя через Великое переселение народов, они делились, объединялись, создавая многочисленные племенные образования с новыми названиями. Отличительная особенность славянского племенного пространства - его относительная отдаленность от римского мира. Можно полагать, что миграционные процессы у славянских племен являлись своего рода адаптацией к предшествующим миграциям других племен и их результатам. Приближаясь к границам римской цивилизации, славянские племена на первых порах не стремились, однако, к взаимодействию и развернутым контактам с этим миром.

Последующая активность славян в отношении империи была во многом спровоцирована самой империей, а также появлением аваров. Славянские племена, начав продвижение на юг и завершив расселение на Балканском полуострове в VI-VII вв., сливались с фракийцами, иллирийцами и кельтами. Они растворили в своей среде тюркоязычных булгар, вступали в контакты с эфиротами, греками и положили начало южнославянским этносам.¹⁵

Таким образом, структура этнического пространства варварских окраин включает не только ближнюю, но и дальнюю периферию цивилизации. Выделяется мир сравнительно «окультуренных» племен, уже подвергшихся влиянию цивилизации. Он является своеобразным ядром варварской периферии, определяя характер взаимоотношений как с центром-цивилизацией, так и с той частью племен, которая населяла более отдаленные районы. Во II - VII вв. на северных окраинах римской и китайской цивилизаций сформировались два таких центра - мир германских племен на Западе и этническое пространство кочевых варварских племен в Азии. Тогда же возникает и фиксируется заметная роль ядра дальней периферии - славянского мира.

Есть и другая черта, общая для характеристики варварских миров в плане их взаимодействия с цивилизацией, - миграционная активность. Даже миграции в пределах варварской периферии отражали предрасположенность племен к контактам. Они же выступали фактором, стимулирующим эти контакты: военные, торговые, дипломатические и т.д. В Европе уже за три столетия до начала Переселения проявился беспокойный и динамичный характер германского этнического пространства.¹⁶ Мобильность племенного мира Барбарикума стимулировалась римским влиянием, заражая миграционным «вирусом» все большее число германских племен. Одной из причин, спровоцировавшей передвижения племен в европейском Барбарикуме, являлась территориальная экспансия Римского государства. Римляне неоднократно вторгались в районы, занимаемые германскими племенами, стремясь превратить их в очередную римскую провинцию. Этот натиск, осуществляемый в плотно заселенных

различными племенами областях, вызвал волну передвижений, которая прокатилась с запада на восток и с севера на юг. Первое пробуждение миграционных процессов приходится на II в. до н. э. и связано с экспансией к югу кимбров и тевтонов.¹⁷ В I в. до н. э. последовали попытки свевов закрепиться в Восточной Галлии.¹⁸ Германские племена представляли собой уже достаточно серьезную и мобильную силу, способную как к эпизодическим проникновениям на римскую территорию путем участия дружин в военных набегах, так и к продвижению на новые территории всем племенем или значительной частью племени с целью завоевания новых земель. Сходные процессы происходили в азиатском регионе. После образования сильного древнекитайского государства Цинь его правители, понимая опасность присутствия на севере кочевий варварских племен, ставили целью оттеснить их от границ империи. Циньская империя занимала удобные стратегические позиции для наступления на соседние племена. Среди кочевых племен своей численностью и мобильностью выделялись племена сюнну.¹⁹ К III в. до н.э. основной зоной их кочевий стали уже Центральная Монголия и степное Забайкалье. Вожди из племени сюнну неоднократно возглавляли мощный племенной союз варваров-кочевников, а сами сюнну становились лидером кочевого мира. В общении с северными кочевниками в основном преобладала тенденция их изгнания и вытеснения. Китайское государство ставило своей главной целью сдерживать вторжения обитателей Северной Степи.²⁰ После ряда сражений китайские войска нанесли варварам-кочевникам серьезное поражение, вытеснив их за реку Хуанхэ, которая на долгое время превратилась в пограничную, став рубежом между китайской цивилизацией и варварским миром кочевых племен.²¹

Подобно китайским войскам, римляне неоднократно вторгаются и ведут военные действия в пределах племенных территорий варваров-германцев. После триумфа Цезаря все большее число этих племен попадает в зону военных конфликтов с Римской империей. При этом повседневная жизнь варваров, даже без потери ими независимости, лишается внутренней стабильности. Далеко не все

германцы после силовых контактов с империей отказывались от автономии и самостоятельности. Гарантировать же автономию племени и обеспечить ему внутреннее спокойствие могла только сильная поддержка извне. Варвары имели больше шансов сохранить стабильность мирной жизни и быть надежно защищенными от внешней угрозы, находясь в составе крупного племенного объединения. Первые военные союзы варваров-германцев (свевов Ариовиста, херусков Арминия, свево-маркоманнов Маробода) были непрочными и недолговечными. Они формировались на исконно германских землях с целью сопротивления Риму.²² Объединительные процессы проходили отнюдь небесконфликтно. *Образование первых военных союзов - это проявление начавшегося процесса противостояния и одновременного сближения римского и варварского миров.* Поражение римской армии в Тевтобургском лесу в начале I в. н. э. исчерпало энергию территориальной экспансии римского мира и спровоцировало пробудившуюся миграционную активность варваров-германцев. Они выиграли в своем сопротивлении римской цивилизации и вышли на «старт» массовых миграций.

В конце I в. в Европе окончательно определилась одна из первых в истории человечества технически оснащенных границ. Она отделяла население Римской империи от этнически разноликого Барбарикума и проходила по Рейну, Дунаю и лимесу, который соединял эти две реки.²³ Эта граница и далее на протяжении многих сотен лет разделяла два сильно различающихся и противостоящих друг другу мира: мир римской цивилизации, уже вступивший в свою акматическую фазу, и мир только еще пробуждающихся к активной исторической жизни германских племен. Велико было желание «отгородиться» от северных варваров и в Древнем Китае. Угроза набегов сунну и других кочевых племен представлялась настолько серьезной, что для обороны от них была построена Великая стена. Она соединила существовавшие ранее пограничные укрепления в единую оборонительную линию, протянувшуюся от Ляодуна до Ганьсу.²⁴ Великая китайская стена способствовала также и упорядочению торговых контактов между

китайским государством и варварским миром кочевых племен. Кочевники-сюнну не только воевали с Китаем. Не менее чем в добыче от набегов на китайские земли, они были заинтересованы в торговле. Не случайно весьма важным для них пунктом многих мирных договоров с империей было требование расширить торговлю и облегчить ее условия.²⁵ Римская империя также пыталась сдерживать варваров-германцев не только путем военного усиления границ. Расширяется сеть торговых дорог, растет число пунктов для проведения разрешенных торговых операций. Многие племена получают свободу посреднической торговли.²⁶ Развивая традиционные торгово-экономические связи и создавая новые, Рим надеялся удержать чрезмерный азарт, жажду нового и склонность к авантюрам германских вождей. Однако такая политика давала противоположные результаты. Чем больше Римская империя втягивала германские племена в сферу своего влияния, тем более опасного соперника она сама себе создавала.

После маркоманнского «взрыва» II в. контакты германцев с Римом расширились и интенсифицировались по всем наметившимся ранее направлениям. Письменная традиция подтверждает, что основной формой взаимоотношений оставались войны и военные столкновения, главным образом в районе Реции, Норика и Паннонии. Взаимоотношения регулировались условиями мирных договоров, выполнение которых жестко контролировалось военными властями Рима. Еще больше усилилось значение границы. Всем племенам запрещалось селиться в приграничной полосе вдоль левого берега Дуная. Торговля проходила на границе в определенные дни, в специально отведенных для торговых операций местах - не на римской территории, а только в пределах Барбарикума. Римские купцы проникали в глубь варварской земли.²⁷ Немалая часть доходов от торговли концентрировалась в руках германской знати, что в одних случаях сдерживало стремление к грабежам и вторжениям, а в других - стимулировало новые рейды в империю в поисках добычи. В отличие от Рима в Древнем Китае такой компонент взаимоотношений с варварским миром, как торговля, являлся куда более значимым, а порой и ключевым. Китайская империя, налаживая оживленную

торговлю с западом (Кушанское и Парфянское царства, Римская империя), подчиняла и истребляла различные племена, в том числе и сюнну, обитавших у северных и северо-западных границ Ханьской империи. Именно через эти районы варварских кочевий проходил торговый путь на запад, известный как «великий шелковый путь».²⁸ Преследуя цель обезопасить передвижения торговых караванов, Ханьская империя в 119 г. до н.э. нанесла сюнну сильнейшее поражение и вытеснила их за пределы «великого шелкового пути».²⁹ Сюнну отступили на север, неоднократно возобновляя набеги и подчиняя своему влиянию эти регионы. Борьба за «великий шелковый путь» длилась столетиями.

После Маркоманнских войн Рим впервые стал в широких масштабах селить варваров на своих опустевших от войн и эпидемий землях. Начинаются необратимые процессы как в самой империи, так и в варварском мире в целом, в том числе у германцев. Государственный механизм империи уже не мог полноценно функционировать без варваров-германцев. Так же и в племенном мире именно благодаря империи все более рельефно выступало то общее, что объединяло и разграничивало племена.³⁰ После Маркоманнских войн большинство варваров-германцев окончательно потеряло свою независимость. Столь мучительный для них процесс длился несколько столетий и у различных племен имел свои специфические особенности. Разрушительным воздействиям в наибольшей степени подверглись германские племена, жившие в зоне активных контактов с империей, непосредственно возле ее границ. Но и на более отдаленные племена Барбарикума римлянам удавалось распространять свое влияние, хотя и более гибкими методами. Одним давалось римское гражданство, другим - освобождение от натуральных поставок в пользу Рима, третьим римляне сами обязывались поставлять продовольствие и субсидии.³¹ Все это затрудняло процесс консолидации варваров, стимулировало соперничество между племенами и в конечном счете явилось источником многих взрывоопасных ситуаций. Как известно, Маркоманнская война символизирует начало масштабного военного противостояния варварского мира и римской цивилизации. В азиатском регионе ей,

пожалуй, соответствует серия массированных вторжений сюнну в Китай в эпоху первого этапа правления Старшей династии Хань (202 г. до н.э.-25 г. н.э.). Союз кочевых племен, возглавляемых сюнну, представлял серьезную опасность для Ханьского Китая. Обратим внимание на то, что огромный размах завоеваний китайцев во II в. до н.э. сопровождался захватом в плен и продажей в рабство кочевников, входивших в племенной союз сюнну. Это спровоцировало набеги кочевых племен на северные границы Ханьской империи.³² Постоянные грабежи сюнну, их переходы через Хуанхэ и вторжения в Ордос (земли империи к югу от Великой стены) также сопровождались уводом в плен китайского населения. Сюнну проникали далеко в глубь Китая, оседая целыми поселениями в пределах Ханьской империи. Так, например, в 177 г. до н.э. китайский император Вэнь-ди заключил с ними мирный договор по формуле «мира и родства». «Держава» сюнну признавалась равной китайской. Сюнну было разрешено поселиться в районе Ордоса, к югу от Великой стены, где издавна обитали кочевники и где заниматься земледелием было делом рискованным. Согласно заключенным с сюнну договорам (197, 177, 166, 162, 158 гг. до н.э.) империя платила им дань, а также посылала в жены их вождям (шаньюям) китайских принцесс.³³ Отряды кочевых племен грабили различные области Китая, но, как бы ни усиливались набеги, империя ограничивалась обороной. И лишь в правление императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) была предпринята попытка занять активную наступательную позицию - изгнать варваров за пределы Великой стены. В 127 г. до н.э. сюнну были вытеснены из Ордоса, по берегам Хуанхэ были построены крепости и укрепления. От кочевников стремились освободить и северные границы империи. В 119 г. до н.э. империя нанесла сюнну сокрушительный удар, что заставило их отступить на север. На отвоеванной территории империя построила мощную линию укреплений, были созданы военные и гражданские земледельческие поселения. Впоследствии эта полоса укреплений стала мощным плацдармом для успешных завоевательных походов Ханьской империи.³⁴ Однако сюнну спустя некоторое время активизировали свои действия на северо-западных границах Ханьской империи, и

к началу I в. н.э. им удалось подчинить своему влиянию западные области Китая, отрезав торговые пути, в том числе «великий шелковый путь», который уже со II в. до н.э. связывал Китай с далекими странами, в частности с Парфянским и Кушанским царствами, а также с Римской империей. Ханьский Китай вынужден был на какое-то время перейти к оборонительной тактике.³⁵ В отличие от Римской империи, которая, победив в Маркоманнской войне, выиграла противостояние с варварским миром, Китайская империя в первых войнах с сунну его проиграла.

По мнению античных авторов, к началу III в. германские племена оставались наиболее активной частью варварского мира европейского региона. В их передвижении появились две характерные черты. Первая связана с племенами восточных германцев. Именно они задают тон, являясь своеобразным камертоном миграционной активности. Восточные германцы позже других вступили в активный контакт с империей. Однако в силу того, что империя была уже измотана предшествующими конфликтами, а свежие силы восточных германцев наносили ей удары на весьма отдаленных от Италии рубежах, этот натиск оказался более эффективным, чем вторжения западных варваров-франков.³⁶ Второе отличие состояло в том, что на протяжении III в. германские вторжения в Римскую империю осуществлялись в двух направлениях: рейнско-дунайский лимес и балкано-малоазийские провинции. Центральноевропейский регион был в это время зоной активных военных действий главным образом сарматских племен.³⁷ Письменная традиция свидетельствует о весьма активном процессе перегруппировки сил, с непрерывными передвижениями племен. В III в. аламанны и франки переселились на Декуматские поля. Часть готов заняла Дакию - стратегически важный плацдарм варварских вторжений. В районе Реции усилилась позиция ютунгов. На Верхнем Дунае появляются бургунды и вандалы. В конце первого этапа Переселения народов центром варварского мира, «серединой варварской земли» стала Среднедунайская низменность. Отсюда постоянно шли миграционные импульсы. Начиная со II в., одни племена сменяют другие: квады,

маркоманны, бургунды, аламанны, сарматы, гепиды, готы. Империя намеревалась организовать здесь провинции Маркоманнию и Сарматию.³⁸

Китайская империя периода правления последних императоров Старшей династии Хань, так же как и Римская, сдерживая напор соседних варварских племен, сравнительно быстро определила наиболее опасные районы их вторжений. Особо выделяется один из них - бассейн реки Тарима, который ханьцы называли Западным краем. Это сравнительно небольшое пространство надолго превратилось, по сути, в периферию Ханьской империи. Расположенные на нем мелкие государственные образования, признав вассалитет империи, терпели лишения как от военных походов ханьцев, так и от набегов соседних варварских племен. На рубеже тысячелетий племенам сюнну, которые воспользовались ослаблением империи, удалось вытеснить ханьцев с Западного края. Лишь правители Младшей династии Хань (25-220 гг.) в результате успешных походов ханьских полководцев окончательно вытеснили кочевников из этого региона.³⁹ «Великий шелковый путь» вновь перешел под контроль империи вплоть до середины II в. Не снижалась активность варваров-кочевников и у северных пределов Китая. Долгое время естественный рубеж, отделявший китайскую цивилизацию от мира кочевых племен, проходил вдоль пустыни Гоби. Ван Ман, один из последних правителей Старшей династии Хань, формировал военные подразделения из рабов для отражения набегов варваров на северные границы. В I в. н.э. эти набегии стали тревожить уже внутренние области Ханьской империи. Жители приграничных регионов начали переселяться внутрь империи, а северная граница оказалась в руках племен сюнну. Эти племена на протяжении нескольких столетий являлись лидером мира кочевых племен. Их взаимоотношения с Китайским государством зачастую определяли общую тенденцию развития и степень военного напряжения в Восточной Азии. Разгромленные в результате неудачных войн с Ханьской империей, лишившись своих исконных кочевий, сюнну в середине I в. н.э. разделились на две части - северную и южную. Южная группа сюнну попала под влияние Ханьской империи, откочевав в северные районы

Шаньси и Внутренней Монголии.⁴⁰ Северные сюнну после многочисленных поражений, нанесенных ханьскими войсками, ушли в 93 г. в Джунгарию. Следует отметить, что районы Восточной Азии к северу от Ханьской империи представляли собой плотно заселенное различными кочевыми племенами пространство. Здесь кроме сюнну обитали набиравшие силу сяньбийские племена. Вдоль ханьской границы в Маньчжурии кочевали ухуани. Степи между Ордосом и озером Лобнор занимали тангуты. На западе этого обширного кочевого пространства выделялись усунь, на севере - енисейские динлины, а также их соседи хагасы.

Миграция сюнну в западном направлении проходила в условиях военных конфликтов с Ханьской империей, племенами сяньби и ухуаней. Сяньби неоднократно вторгались в восточные земли сюнну, подвергая их разгрому и сея панику. Ханьские военачальники совершали глубокие рейды в тылы кочующих сюнну. Исконные земли сюнну постепенно занимали воинственные племена сяньби и динлин. С середины II в. в лидеры кочевого мира Восточной Азии выходят сяньбийские племена.⁴¹ Северные сюнну, которые продолжали здесь кочевать, частично приняли наименование сяньби и вошли в состав сяньбийского племенного союза, а частично ушли на запад к озеру Балхаш. С этого времени началась ассимиляция сюнну с другими центральноазиатскими племенами. Эти смешанные племена достигли степей Южного Урала и древнего Устьюрта. Севернее Аральского моря во II в. н.э. о них упоминает античная письменная традиция, называя уже *гуннами*.⁴²

Со второй половине IV в. гунны - это уже смешанные, преимущественно тюрко-угорские и ираноязычные племена. Гунны переходят Волгу и обрушиваются на Предкавказье. Они стремительно проходят путь от Танаиса на Балканы и дальше к югу от Дуная до стен Константинополя. Вскоре они проследовали на запад в Потисье и на венгерскую равнину, а затем от Орлеана на Луаре до городов Аквилеи и Милана в Италии. К концу IV в. равнина между Тисой и Дунаем стала преимущественно гуннской территорией. Гунны создали обширный военно-племенной союз, куда вошли и другие варвары: примеотийские готы, гепиды,

герулы, аланы, славянские племена. Степень зависимости этих племен от гуннов определить довольно сложно. Возможно, они, находясь под управлением своих предводителей, сопровождали гуннов в качестве военного подкрепления, выделяя в случае необходимости военные отряды. Как часть этого союза и под его именем многие из упомянутых выше племен уже с конца IV в. в качестве вспомогательных войск оказывали услуги и Западной, и Восточной империи. Таким образом, появление в Европе азиатских кочевников, вошедших в азиатскую историю под именем «сюнну», а в европейскую - «гуннов», - одно из последствий взаимодействия китайской (Ханьской) империи и кочевого варварского мира, располагавшегося вблизи ее северных границ.

Концентрация оседлых варварских племен у границ Римской империи также порождала конфронтацию. С одной стороны, она подпитывалась растущей потребностью в земле, а также наличием по соседству соперников, с которыми одновременно могли быть тесные родственные, дружественные или культовые связи. С другой - растущая напряженность в варварском мире европейского региона, возможно, создавалась искусственно. Она стимулировалась переходом племен на римскую территорию. С усилением межплеменных противоречий росло число племен, попадавших в зависимость от империи. Конечно, рядовые варвары-германцы продолжали обрабатывать землю, пасти скот, изготавливать керамику и орудия труда. Они поклонялись своим богам, следуя родовым традициям и обычаям предков, но племенная жизнь теперь была организована уже на иной основе. И миграционные волны несли эти племена к неминуемой катастрофе переселения на римские земли. К этому надо добавить, что по мере нарастания римских успехов среди некоторых германских племен усиливались проримские настроения - особенно среди амбициозных племенных вождей. Римляне всячески поощряли эту тенденцию. Измена в пользу империи хорошо вознаграждалась.⁴³ Родовая аристократия кочевых племен проявляла себя не только на полях сражений и в военных походах, она была склонна к интригам и заговорам против своих предводителей. Ханьцам удавалось неоднократно организовывать заговоры

среди знати варваров-кочевников. В европейском регионе проримские настроения готов привели к расколу племени на две части. Одна, возглавляемая Фритигерном, выступала за мирные отношения с империей и стремилась к переселению в ее пределы. Другая, признавая авторитет Атанариха, весьма враждебно относилась к Риму и не спешила обрести свой дом на римской земле.⁴⁴ В Восточной Азии борьба антикитайской «военной» и прокитайской «мирной» партий также привела к расколу племени сюнну. Таким образом, для двух лидеров варварского мира - готов и сюнну - проимперские настроения оказались трагичными, ибо привели к утрате племенного единства.

Древние авторы отмечают, что с конца III в. в варварском мире европейского региона лидирующие позиции стали занимать готы, франки и аламанны. Их отряды, ранее пересекавшие границу ради добычи, теперь приходят в Рим в качестве федератов, готовых служить за определенное вознаграждение. Федераты - «герои» эпохи Великого переселения народов. Они стремительно втягиваются во внутриимперские интриги, в борьбу вокруг власти и за власть. С середины IV в. представители германской племенной элиты стали занимать военные посты. Западная Римская империя включала знатных варваров в офицерское и высшее командное звено армии. Эти римские полководцы германского, большей частью франко-аламаннского происхождения вошли в социальную структуру римского общества и представляли его военную элиту. В Восточной Римской империи подобная практика не сложилась. Император Феодосий (378-395) делал попытки вводить варваров в состав ранневизантийской армии, но это вызвало резкое неприятие. Китайская империя для обороны от кочевников также нуждалась и прибегала к помощи самих кочевников, включая их в сферу своих интересов.⁴⁵ Южные сюнну, отступавшие под напором сяньби, селились на землях империи к югу от Великой стены и, подобно римским «федератам», защищали ее границы. Вожди сюнну получали высокие посты в китайской армии и были наделены громкими китайскими титулами. В борьбе против варваров Китайская империя, так же как и Римская, прибегала к политике сталкивания одного племени с другим, в

частности использовала сяньбийцев против сюнну, провоцируя длительные войны между ними.⁴⁶ В III-IV вв. в Восточной Азии севернее Китайской империи стали стремительно обозначаться черты процесса, который исследователи называют Великим переселением народов.⁴⁷ Переселение южных сюнну в Китайскую империю, так же как готов в Римскую, открыло новый этап взаимодействия варварского мира и цивилизации. Кочевые племена с севера постепенно заселяли Среднекитайскую равнину - исконно китайские земли. Огромные территории бассейна реки Хуанхэ были отторгнуты степными племенами. Внутренние войны, анархия и хаос погрузили империю в эпоху Троецарствия. Один из вождей сюнну провозгласил себя шаньюем всех «федератов», а его сын низложил последнего императора династии Западная Цзынь (265-316). Китайская империя, раздираемая междоусобной борьбой, оказалась незащищенной перед нашествием и других варварских племен. Северо-западные области империи подверглись вторжению давних врагов ханьцев - племен тибетской группы. Сяньбийские племена тоба захватили Северный Китай, который был буквально наводнен кочевниками, что привело к временному ослаблению их напора на Западе.⁴⁸

В ходе противостояния Риму жизнь Барбарикума, германских племен в частности, менялась. Рим сыграл роль своеобразного генератора социальной эрозии, имущественного неравенства, этно-потестарной (несмотря на высокий уровень мобильности германцев) консолидации племен. Приток награбленной добычи усилил социальную дифференциацию, накопление богатств в руках знати, оформление наследственной власти конунга. Древнегерманская знать претерпела значительную эволюцию. Степень знатности определялась уже не только происхождением, но и заслугами. Ввиду войн и переселений возникла текучесть состава знати. Часть родовой верхушки погибла во внутренних и внешних конфликтах. На основе дружинных отношений постепенно сформировалась и окрепла военная знать.⁴⁹ Военные трофеи и принятая практика поднесения «даров» способствовали тому, что в Восточной Азии у верховных правителей кочевых племен и родовой знати также скапливались значительные ценности. Но

варвары-кочевники не только воевали с империей. В промежутках между войнами велась активная дипломатическая деятельность. Шаньюи были издавна связаны родственными отношениями с китайской императорской фамилией, получая в жены китайских принцесс. Их старшие сыновья зачастую воспитывались при ханьском дворе. Варвары перенимали у ханьцев немало ценных в цивилизационном отношении нововведений.⁵⁰

В европейском регионе накануне Адрианопольского сражения (378 г.) баланс сил нарушился окончательно, качнувшись в сторону варварского мира. При этом перевес сил определялся не только военно-политическими факторами. Долгое время Римская империя вовлекала германские племена в сферу своих интересов. Образовался и в течение значительного, по меркам древнего мира, срока функционировал единый геополитический организм, единая система. Ее составляли два взаимодействующих, подпитывающих и одновременно разрушающих друг друга компонента: высокоразвитая античная цивилизация и первобытная «варварская» периферия. До середины IV в. основные функции жизнедеятельности этой системы контролировались римлянами. Период между Маркоманнскими войнами и Адрианопольским сражением представлял собой время сближения, само- и взаимопознания двух антиподов - Романии и Барбарикума. В канун Адрианопольского сражения выявилась необратимость внутренних изменений римско-варварского геополитического организма. Сходные процессы происходили и в Восточной Азии вплоть до периода Южных и Северных династий (386-581). В дальнейшем противостояние варваризованного Севера и китайского Юга завершилось воссоединением страны и победой китайцев. В европейском регионе «варварские королевства» противостояли прежде всего таким же «варварским королевствам», чередой образования и распада которых ознаменован весь V век. Миграционная активность, мобильность и слишком сильная «включенность в Рим» из фактора этнополитической консолидации германцев постепенно превращается в причину нестабильности и кратковременности существования варварских «королевств». Франки - не самые

динамичные мигранты, не самые прилежные федераты империи, создали основы для мощного государства, которое позднее смогло на равных противостоять Византии.

По мере превращения переселения варваров в массовое явление Римская империя теряла над этим процессом контроль. Массовые переселения заканчивались для нее внутривосточными кризисами и острыми конфликтами с переселенцами. И хотя большинство племен могло длительное время занимать римскую территорию, только будучи в статусе федератов, по существу варвары-переселенцы создавали здесь полунезависимые образования. С конца IV в., стремясь осесть в империи, они требовали не только земель для поселения, но и права сохранения после переселения собственной внутренней организации и управления. В период между Адрианопольским сражением и падением Западной Римской империи произошел наиболее яркий и противоречивый всплеск миграционной активности варваров европейского Барбарикума. Гуннское присутствие в европейском регионе активизировало варварское миграционное пространство как в начале массового переселения племен в империю в 376 г., так и незадолго до окончательного крушения Западноримского государства в 476 г. Характер участия самих германцев в миграционных процессах изменился. Пройдя этап стихийных, лавинообразных передвижений, переселений, поисков «желанной земли», многие племена осели и начали территориальную экспансию. Они заняли стратегически важные области, ключевые позиции в политической жизни империи. Гунны оказались тем катализатором, который ускорил эти процессы. Особенно выразительно воздействие гуннов на судьбы племен Верхнего и Среднего Подунавья. Из-под обломков рухнувшей «державы» Атиллы выбрались консолидированные этно-политические образования (гепиды, герулы, готы). Расположенные на границе двух Империй, в географическом районе, который вызывал споры и вражду между Византией и Западом, эти варвары-германцы соперничали из-за контроля над определенными районами. Создавался постоянный фон нестабильности, распрей и «смуты», что самих варваров держало в

напряжении и вскоре снова привело к очередному взрыву миграционной активности. Племена пришли в движение, которое одних привело в Константинополь, а других снова в Западную Европу, но на этот раз уже без сопровождения гуннов.⁵¹

В процессе взаимодействия с цивилизацией, как правило, проявлялись *разные формы* мобильности варварских племен. Это и передвижения с целью грабежа или с целью расселения, передвижения, связанные с выполнением обязанностей федератов, переселения, спровоцированные военными маневрами империи или миграцией других племен, и, наконец, передвижения как экспансия, расширение границ уже имеющихся владений. Массовое переселение варваров из Барбарикума в Римскую империю во II-VII вв. осознается как непреложный факт их включения в огромную державу, обретения большинством племен определенной социальной ниши в римской государственной системе и создания варварских «королевств» различного типа. В V в. империя «управляла» процессом формирования на своих землях первых варварских «королевств», что создавало впечатление о возрастающей «управляемости» варварскими миграциями со стороны Рима. Германцы становятся федератами, продвигаются в отведенные им земли, перемещаются в пределах империи, выполняя функции федератов, и даже вступают в вооруженные столкновения друг с другом, если этого требовал долг перед империей. Германская знать домогается от императоров знаков власти и признания. Открывается широкий простор для проявления личного мужества в защите интересов империи. Война рассматривается как работа, которая дает возможность сделать карьеру. Появляется новый тип лидеров - конунгов и вождей, которые ведут свои племена к созданию на землях Западной Римской империи германских «королевств». С другой стороны, «врастая в Рим», германцы все более целенаправленно воздействуют на механизмы имперской власти. Они добиваются разрешения заселять вполне конкретные, нередко лучшие земли, например, Западный Иллирик, северное побережье Африки, Юго-Западную Галлию, Италию. Переселение превращается в расселение. Варвар-германец как инструмент

сохранения Римского государства, как щит от других варваров, в ходе миграций сам начинает использовать империю для создания собственной государственности.⁵² Однако некоторые предводители варваров-германцев понимали тупиковость данного пути. Парадокс заключается в том, что эта амбициозная идея реализовалась в азиатской «модели» Переселения, где варварам-кочевникам суждено было воплотить в жизнь слова готского конунга Атаульфа: «В юности у меня было желание уничтожить самое имя Рима, предать забвению все римское, создать Готскую империю, чтобы за основание Готии вместо Романьи, меня славили всенародно, как некогда славили Цезаря и Августа... Теперь я искренне желаю одного, чтобы признательность будущих поколений оценила по достоинству заслуги чужеземца, употребившего меч готов не на разрушение Римской империи, а на укрепление ее».⁵³ Племена сянбийцев, начавшие во II в. расселяться на Великой равнине, усилились и в начале IV в. сформировали собственную державу. Шло активное расселение различных народностей на территории бывшего центра формирования китайского этноса - Среднекитайской равнине, «плавильной печи» этносов. Своеобразное «варварское государство», противостоящее китайским государственным образованиям, добровольно пошло по пути его стремительной китаизации, вплоть до отказа от родного языка и веры, принятия китайских имен, культуры, китайской государственности и религии. В результате более чем двухсотлетнего сосуществования столь различных этносов, элементы кочевой культуры севера в конечном итоге фактически слились с культурной традицией Среднекитайской равнины.⁵⁴ Фактически все это способствовало новому витку развития китайской цивилизации.

Таким образом, во взаимоотношениях варварского мира с цивилизацией преобладающими являлись внешнеполитические и экономические интересы. Однако в «иерархии» контактов торговые вряд ли преобладали, ибо для варварского мира война являлась более естественным состоянием. Взаимодействие и контакты развивались на фоне массовых передвижений племен, в обстановке военного соперничества между ними. Событийный ряд варварских вторжений,

которые фиксирует письменная традиция как на Западе, так и в Азии, подтверждает развитие не только «горизонтальной» динамики миграционных процессов, но и их экстенсивного характера. Растет число племен, охваченных «вирусом» переселения, и распространяется этот процесс в Европе с запада на восток, в Азии - с востока на запад. *Обе волны миграционных импульсов встречаются в Северном Причерноморье и затем, сливаясь в один поток, устремляются в Римскую империю.* Сопоставление различных форм контактов варварского мира с цивилизациями Запада и Востока уже в первом приближении дает возможность выявить ряд общих тенденций. В противостоянии цивилизации и варварского мира неизбежно формировался центр такого противостояния в варварском мире. В контексте миграционных процессов этим центром являлось то или иное племя-лидер. С другой стороны, выделение лидирующих племен корректировалось и межплеменными противоречиями. Отсюда неизбежна постоянная сменяемость лидирующих племен. Можно отметить, что отношение цивилизации к варварскому миру как в Европе, так и в Восточной Азии было основано на балансе сдерживания и использования варваров. Подобная тактика, являясь стратегически оправданной как для Рима, так и для Китая, приводила к провоцирующему эффекту в варварском мире. Длительные контакты, и военные, и экономические, вели к этно-потестарным изменениям в самом варварском мире. Следует обратить внимание и на то, что по мере расширения этих контактов в варварском мире формируется неприятие самой цивилизации и каких-либо отношений с ней. Таким образом, те изменения, которые происходили в варварском мире, и собственно многовековая трансформация этого мира не являются изолированными и самодостаточными. Они связаны, зависимы, порой подчинены ходу развития сопредельной цивилизации.

1. *Gunliffe B. Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interaction. L., 1988. P. 2.*

2. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий / Под ред. А.И. Першица, А.М. Хазанова. М., 1978. С. 4 слл.
3. См., например, *Корсунский А.Р.* Вестготы и Римская империя в конце IV - начале V в. // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1965. № 3; *Сиротенко В.Т.* История международных отношений в Европе во второй половине IV - начале VI в. Пермь, 1975; *Diesner H.J.* Die Volkerwanderung. Leipzig, 1976; *Anerkennung und Integration: Zu den wirtschaftlichen Grundlagen der Volkerwanderungszeit 400-600* / Hrsg. H. Wolfram und A. Schwarz. Wien, 1988.
4. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. М., 1994. С. 4.
5. См., например, *Джоунс У.Р.* Варвары в мировой истории: миф и реальность // Культуры. 1982. № 3; *Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье (основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1; *Буданова В.П.* Трансформация образа варвара: от переселения к расселению // Тезисы докладов конференции «Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества.» М., 1997. С. 13-14; *Крюков М.В.* Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 147-163; *Christ K.* Romer und Barbaren in der hohen Kaiserzeit // Saeculum. Munchen, 1959. Bd. 10; *Grecs et Barbares.* Geneve, 1962.
6. *Андреев Ю.В.* Ук. соч. С. 3-17.
7. Древнеримская цивилизация // Древние цивилизации. М., 1989. С. 385-451; *Штаерман Е.М.* Проблема римской цивилизации // Цивилизации. М., 1992. Вып. 1. С. 88-111.
8. *Широкова Н.С.* Переселение кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) // Город и государство в древних обществах. Л., 1982; *Шкунаев С.В.* Кельты в Западной Европе в V-I вв. // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 492-503; *Щукин М.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 15-18.

9. *Колосовская Ю.К.* Паннония в I-III вв. М., 1973; *Она же.* Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае в V-I вв. // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 504-511; *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; *Oppermann M.* Thraker Zwischen Karpatenbogen und Agais. В., 1984.
10. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Седов В.В.* Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 20-29.
11. *Халиков А.Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских королевств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 88-103; *Засеукая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994. С. 132-161; *Schramm G.* Die nordostlichen Eroberungen der Russlandgoten: (Merens, Mordens und andere Volkernamen bei Jordanes. Getica, XXIII, 116) // Fruhmittelalterliche Studien. В., 1974. Bd. 8.
12. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов (в печати).
13. *Сапрыкин С.Ю.* Местное население степной и лесостепной зон Северного Причерноморья // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 613-617; *Плетнева С.А.* Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной Европы // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 225; *Vachrach B.S.* A history of the Alans in the West. University of Minnesota Press, 1973.
14. *Плетнева С.А.* Ук. соч. С. 213-221; *Засеукая И.П.* Ук. соч. С. 132-161.
15. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т.1; 1995. Т. 2; *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994; *Он же.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995; *Рыбаков Б.А.* Древние славяне и античный мир // Держава. М., 1997. № 1. С. 19-25.
16. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. С. 41-55.

17. *Vries J. de* Kimbern und Teutonen // *Erbe der Vergangenheit*. Tübingen, 1951. S. 7-24.
18. *Seyer H.* Die regionale Gliederung der Kulturen, der vorromischen Eisenzeit-Stammesgebiete - erste Wanderungen // *Die Germanen*. Berlin, 1976. Bd. I. S. 197; Ср. *Колосовская Ю.К.* Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // *ВДИ*. 1996. № 2. С. 146-166.
19. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Автореф. дисс. к.и.н. М., 1968; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1; 1973. Вып. 2; *Гумилев Л.Н.* Хунну. СПб., 1993.
20. *Сюй Тао.* Китай и северные варвары (III в. до н.э. - VI в. н.э.) - взаимодействие народов и культур. Автореф. дис. к.и.н. М., 1996.
21. *Harrison J.A.* The Chinese empire. New York, 1972; *Yap Yong, Cotterell A.* The early civilization of China. New York, 1975; *Meyer M.W.* China: An introduction history. Totowa, 1978.
22. *Неусыхин А.И.* Военные союзы германских племен около начала нашей эры // *Неусыхин А.И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 396-397; *Колесницкий Н.Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I-V вв. // *СВ*. М., 1985. Вып. 48. С. 5-26.
23. *Шкунаев С.В.* Германские племена и союзы племен // *История Европы*. М., 1988. Т. 1. С. 604.
24. *История Китая*. М., 1998. С. 115; *Гумилев Л.Н.* Ук. соч. С. 43-45.
25. *Гумилев Л.Н.* Ук. соч.
26. *Шкунаев С.В.* Германские племена и союзы племен. С. 604-605.
27. *Колосовская Ю.К.* Паннония в I-III вв. С. 230-231; *Gabler D.* Zu Fragen der Handelsbeziehungen Zwischen den Romern und den «Barbaren» im Gebiet ostlich von Paunonien // *Romer und Germanen in Mitteleuropa*. В., 1975. S. 87-108; *Petersen L.* Überblick über Entstehung und Entwicklung der romischen Provinzen am Rhein und an der oberen Donau im 1. und 2. Jahrhundert // *Die Romer an Rhein und*

- Donau. 1975. S. 52-59; *Wolagiewicz R.* Der Zufluss romischer Importe in das Gebiet nordlich der mittleren Donau in der alteren Kaiserzeit // *ZfA.* 1970. №4. S. 222-249.
28. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на шелковом пути. М., 1994. С. 230-232.
29. История Китая С. 129; *Гумилев Л.Н.* Ук. соч. С. 87-88.
30. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. С. 44.
31. *Dio. Cass.* LXXI, 19, 1, 2; *Колосовская Ю.К.* Паннония в I-III вв. С. 225.
32. *Таскин В.С.* Ук. соч.; *Он же.* Отношения Китая с северными соседями в древности // Проблемы Дальнего Востока. М., 1975. № 3(15).
33. *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I-III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 37.
34. История Китая. С. 129; *Гумилев Л.Н.* Ук. соч. С. 84-89.
35. *Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. М., 1958. № 5.
36. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. С. 44-45.
37. *Буданова В.П.* Германцы в эпоху Великого переселения народов // Великое переселение народов: этно-политический и социальный аспект (в печати).
38. *Anon. Vales.* Pars prior. VI, 34; *Oros.* VII, 28, 29; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 228-231. Примеч. 189; *Konik E.* Marcomania i Sarmacja niedoszli provincje rzymskie // *Eos.* P., 1959/1960. Vol. 50. P. 143-162.
39. *Думан Л.И.* Ук. соч. С. 37-50.
40. *Таскин В.С.* Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989. С. 5-28.
41. История Китая. С. 153.
42. *Халиков А.Х.* Ук. соч. С. 90; *Altheim F.* Hoynoi bei Ptolomaeus // *Omagiu lui S. Daicoviciu.* Bucuresti, 1960; *Ср. Засецкая И.П.* Ук. соч. С. 90.

43. *Шкунаев С.В.* Германские племена и союзы племен. С. 594-605; *Колосовская Ю.К.* Дунайские племена и их войны с Римом // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 606-612; *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. С. 41-55.
44. *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 136-153.
45. *Думан Л.И.* Ук. соч. С. 37-50; *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов (в печати).
46. История Китая. С. 153.
47. Там же. С. 152-154.
48. *Сюй Тао.* Ук. соч. С. 15; *Крюков М.В.* Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // Общество и государство в Китае. М., 1980. Ч. 2. С. 3-13.
49. *Wolfram H.* Die Goten als Gegenstand einer historischen Ethnographie // Traditions als historische Kraft. В.; N.Y., 1982. S. 53-64; *Idem.* Die Goten und die Umgestaltung der Romischen Welt // Глас. Београд, 1993. Т. 372. Од-ые ист. наук. кн. 8. S. 217-228.
50. История Китая. С. 152.
51. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов (в печати).
52. *Буданова В.П.* Варварский мир на рубеже Античности и Средневековья. С. 41-55.
53. *Oros.* VII, 43, 4-7.
54. *Сюй Тао.* Ук. соч. С. 16-17.